

С. 2-3.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

«Ивановъ», драма А. Н. Чехова.

Въ числѣ пьесъ, назначенныхъ къ представлению на посланищѣ въ императорскій театрѣ, особеннаго вниманія заслуживаютъ драма г. Чехова: «Ивановъ». Какъ, вѣроятно, известно большинству нашихъ читателей, драма эта была въ прошломъ году большой успѣхъ на петербургской сценѣ и вызвала цѣлый рядъ статей въ литературѣ — то хвалительныхъ, то восторженныхъ. Въ обществѣ драмы г. Чехова приняли между прочимъ участіе такіе гротески въ нашей литературѣ ивеса (кои гротески не въ качествѣ критиковъ), какъ г.г. Успенскій и Михайловскій. Теперь, когда со времени появленія драмы, какъ на подмосткахъ театра, такъ и въ печати («Сѣв. Вѣст.» 1889 г., № 8), прошло уже почти годъ, можно, навѣе кажется, отнестись къ ней болѣе или менѣе равнодушно, отдавъ должное и ея достоинствамъ, и ея недостаткамъ.

Къ числу особенностей достоинства драмы г. Чехова слѣдуетъ отнести то, что она затронула, въ лицѣ Иванова, одно изъ самыхъ таинственныхъ явленій современной жизни, — способность къ чужой особенно слабая — покойный Тургеневъ. Дѣло въ томъ, что послѣ особеннаго напряженія общественной дѣятельности въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ нашей жизни наступилъ отливъ энергіи, даже какое-то поразительное расслабленіе. Въ литературѣ, являющейся отраженіемъ жизни, стало преобладать настроеніе пессимистическое, широко распространилось нити въ разнообразныхъ формахъ — и въ прозѣ, и въ поэзіи. Въ жизни тоже на каждомъ шагѣ стали попадаться люди, еще недавно энергичные, дѣятельные, а теперь утратившіе всякій смыслъ жизни, совершенно лишены той вѣры, которая еще недавно возбуждала ихъ къ дѣятельности.

Однимъ изъ представителей такого ослабленія въ обществѣ является въ драмѣ г. Чехова Ивановъ. Изображеніемъ его г. Чеховъ желалъ объяснить причины нашего пессимизма и индифферентизма в — до известной степени успѣхъ въ этомъ. Его Ивановъ совершенно живое лицо, даже болѣе — лицо типическое, объясняющее цѣлымъ рядомъ характеровъ, болѣе или менѣе близкихъ къ нему. Грудно было выбрать лучшей, болѣе яркой образчикъ нашей модной болѣзни, — болѣзни воли. Ивановъ человекъ недавно еще преисполненный энергіи, живой, но теперь глубоко оупавшійся, совершенно утратившій всякій смыслъ жизни, жалью развалина, возбуждающая въ жалость, и недоуманіе. «Еще годъ ить» — говоритъ онъ о себѣ самъ, — какъ и былъ здоровъ, силенъ, былъ бодръ, неуто-

ливъ, горюхъ, работалъ, ступилъ руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣжда, ухмылялся, когда надѣлъ горе, возмущался, когда вѣстичалъ зло... А теперь, о, Боже мой! Утолился, не вѣрю, въ бездѣльи проножу днѣ и ночи...

Авторъ изображаетъ своего Иванова окруженнаго самыми дурными злодѣйскими обществами, съ которыми онъ не могъ бы ужиться прежде, когда еще былъ преисполненъ энергіи. Возлѣ него своего, въ качествѣ управляющаго его имѣніемъ, находится

лауль Боркингъ, вѣчно занятый разными экономическими проектами, котораго Ивановъ опять-таки терпитъ только послѣдствіе ослабленія воли. Самое козачество ведется Ивановымъ въ высшей степени безпорядочно: онъ кругомъ задолжалъ, не платитъ долговъ и быстро приближается къ полному разоренію. «Нѣтъ вѣтъ вѣтъ» — говоритъ онъ, — а въ трещать подъ топорами... Еще хуже отражается болѣзнь Иванова (трудно назвать иначе его состояніе) въ интимной его жизни, — на людей, которые привязаны къ нему, въ видѣ въ нѣтъ прежняго Иванова, или желалъ пробудить въ немъ этого Иванова, а именно — на его женѣ и на дѣвушкѣ Сашѣ, влюбленной въ него.

Въ семейной жизни Иванова происходятъ совершенныя разлады. Онъ женился, въ свои прежніе, лучшие годы, на еврейкѣ, которая бросила для него семью, вѣру, родныхъ. Она любяетъ его по-прежнему, не надеется на него, а онъ между тѣмъ измѣнился совершенно, сталъ относиться къ ней столь же равнодушно, какъ и ко всему на свѣтѣ. Онъ ищетъ безпокойно чего-либо, что могло бы оживить его, поднять его дѣла, а она ноетъ, жалуется, плачетъ, — и эти еще больше отвращаютъ его отъ себя. Онъ настолько слабъ, настолько агонистиченъ, могущаго своимъ собственными страданіями, что не можетъ себѣ принудить относиться къ ней болѣе тепло, шадить ее, хотя она болѣе частотой и находится наканунѣ смерти. «Вы вотъ говорите нѣтъ» — обращается онъ къ доктору Львову, — что она скоро умретъ, а я во чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утопленіе. Если со стороны поглядѣть на меня, то это, вѣроятно, ужасно; слышу и не понимаю, что дѣлается съ моей душой». Цѣлительное утѣшеніе, возбуждающее глубокое состраданіе къ Иванову, не смотря на всю вышнюю возмутительность его поведенія.

Чтобы докончить изображеніе Иванова, авторъ выводитъ на сцену отношенія къ нему одной юрмической и торжестъ дѣвушки Саша Лебедевой. Еще при жизни жены, Ивановъ часто бѣдѣ въ семействѣ Лебедевыхъ, такъ какъ чувствуетъ себя при Сашѣ Лебедевой сравнительно хорошо, былъ можетъ даже безсознательно ищетъ любви, какъ лекарства отъ своей болѣзни.

Хотя сознательно не стремится къ ней Саша, съ своей стороны, выходящая въ Иванову, уязвленный желаніемъ поднять его, возбудить его снова къ жизни. «И люблю тебѣ» — говоритъ она, — это, значить, что я мечтаю, какъ и влечу тебѣ отъ тоски, какъ поеду съ тобой на край свѣта... Чѣмъ больше груда, тѣмъ любовью лучше». Къ сожалѣнію, жадна эта оказывается не по силѣмъ ей, потому что, какъ говоритъ самъ Ивановъ, побудить и поднять его духъ можно до самаго неба, но послѣ онъ падаетъ еще ниже, чѣмъ былъ.

Какъ бы то ни было, онъ влюбляется въ Сашу, и эти любовь является для него роковымъ ударомъ, потому что безвѣрно уломываетъ его жизнь, а для человека съ такой расшатанной волей даже малѣйшее уломаніе натурудительно. Дѣла его, узнавъ случайно объ его отношеніяхъ къ Сашѣ, начинаютъ удерживать его въ подлости, потому что она, какъ и всѣ, перестаетъ понимать его. Онъ раздражается несправедливыми обвиненіями, ведетъ себя глупо-жестко, наконецъ, наноситъ ей неоправданный ударъ, говоритъ ей о скорой ея смерти. Послѣ смерти жены, всѣ обвиняютъ его въ томъ, что онъ нарочно умерилъ ее, чтобы жениться на богатой. Сашѣ онъ чувствуетъ некомпетентность связать свою жизнь съ жизнью дѣвушки чистой, нравственно здоровой, тогда какъ онъ почти трупъ, какъ чувствовалъ то же и Междоузовъ въ Тургеневской «Понѣ». При этомъ онъ догадывается, что в Сашѣ перестаетъ любить его, стала свѣтлѣться въ осуществленіи своихъ надеждъ, все болѣе выходя изъ безнадолжную слабость, безнадолжно паденіе. Кон-

чается драма тѣмъ, что Ивановъ разрубаетъ гордиевъ узелъ, застрѣливается въ явную пѣ- котораго подвѣса дуа, когда докторъ Львовъ публично обвиняетъ его въ подлости.

Фигура героя драмы, какъ читатель можетъ, навѣе кажется, видѣть и изъ нашего сѣбнаго, блѣднаго пересказа, нарисована авторомъ ярко и правдиво. Самое положеніе героя въ высшей степени трагическое, такъ какъ онъ хорошо понимаетъ весь ужасъ своего паденія и остается непонятнымъ окружающимъ, которые несправедливо обвиняютъ его въ подлости. Кромѣ того, какъ мы уже сказали выше, Ивановъ представляется не частное, единичное явленіе, но типъ, въ наше время довольно распространенный. Если его состояніе въ сущности болѣзнь, имѣющая даже научное обозначеніе «неуростенія» (разслабленіе верховъ, болѣзнь воли), то это «болѣзнь вѣка», только болѣе или менѣе выраженная въ Ивановѣ, чѣмъ во многихъ другихъ. Въ этомъ случаѣ Ивановъ наполняетъ героя знаменитой книги Альфреда Мюссе: «Исповѣдь сына вѣка». Навѣе кажется только, что авторъ, какъ врачъ, при объясненіи данной бо-

Волжский вестник. Казань,
1890. 8 февраля. №36.

C. 2-3.

лжны, видеть въ ней слишкомъ простые физиологическія причины (безвѣрное утолщеніе, — какъ онъ объясняетъ ихъ устами Иванова), устраняя болѣе сложныя причины общественныя.

Кромѣ Иванова, болѣе всего разработаннаго, живутъ въ драмѣ еще и другія истинно типическія лица — докторъ Львовъ и Саша Лебедева. Особенно широко значеніе перваго изъ нихъ, представляющаго типъ не менѣе распространенный, чѣмъ типъ Иванова, а совершенно противоположный ему. Онъ противоположенъ ему не только теперь, когда Ивановъ боленъ, но и преждему Иванову, — и навѣрное можно сказать, что докторъ Львовъ никогда не заболѣетъ той болѣзью, какъ Ивановъ. Докторъ Львовъ можетъ быть и даже бываетъ очень дѣятельнымъ, но онъ меньше живетъ нервами, меньше терзается сомнѣніями. Это человѣкъ честный, но прямолинейный и узкій, для котораго въ мирѣ есть только черное и бѣлое, безъ всякихъ оттѣнковъ и переходовъ. Напрасно Ивановъ старается объяснить ему свое состояніе — для него онъ только подлець и больше ничего. Ему недоступна вся сложность человѣческой натуры, и дѣйствія Иванова онъ объясняетъ самыми простыми, немудрыми соображеніями, въ родѣ желанія овладѣть богатнымъ приданымъ, безвѣрнымъ эгоизмомъ и низостью.

Вѣрность типа, изображеннаго г. Чеховымъ въ лицѣ Львова, подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что въ самой литературѣ нашлось множество Львовыхъ, отнесшихся къ Иванову съ той же черствостью и односторонностью, какъ и Львовъ драмы. Къ сожалѣнію, авторъ изобразилъ своего Львова очень мало, чуть только наметнулъ на этотъ типъ и притомъ отнесся къ нему безъ достаточнаго безпристрастія, что даже дамо многіе поводъ отрицать самую вѣрность пониманія авторомъ этого типа. Напр. въ концѣ, устами Саши Лебедевой, онъ говоритъ о Львовѣ, будто тотъ старался повредить Иванову, забрасывая его знаменитыя «самоинимыми письмами». Въ пьесѣ этого нѣтъ, и даже прямо можно сказать, что тотъ Львовъ, который изображенъ въ драмѣ, на это неспособенъ. Онъ вредитъ Иванову въ глазахъ жены, онъ старается повредить ему въ глазахъ невесты, онъ относится къ нему съ безпощадной жестокостью — и все это дѣлаетъ, считая его подлецомъ, а себя человѣкомъ честнымъ, — но онъ все время дѣйствуетъ прямо и, повидному, иначе и дѣйствовать неспособенъ, да и не имѣетъ къ этому повода въ драмѣ.

Не менѣе жива, но болѣе тщательно нарисована авторомъ Саша Лебедева, дѣвушка энергическая, смѣлая, вѣчно въ родѣ Маринны Тургеньева, но зрѣлая и рѣзкая. Серьезность, соединенная съ нѣкоторою фантастичностью (не даромъ отецъ говоритъ о ея «сисхона-

ти»), глубокая честность натуры, рѣшительность поступковъ — вотъ отличительныя черты ея. При этомъ къ ея поведенію (что характерно для многихъ современныхъ дѣвушекъ) проявляется слишкомъ широкое пониманіе нравственныхъ, дѣлающее ее, такую прямую и честную, нѣсколько жесткой въ отношеніи къ соперницѣ. Она нисколько почти не задумывается о судьбѣ ея, не терзается мыслью, что отнимаетъ сердце любимаго человѣка у больной, умирающей женщины, хотя и софтуетъ Иванову беречь ее. «Слушай меня — говорятъ они: — ступай сейчасъ же къ женѣ и сиди, сиди, сиди... Годъ понадобится сидѣть — годъ сиди... Десять лѣтъ — сиди десять лѣтъ. Исполни свой долгъ». Въ этихъ словахъ проявляется болѣе сознание долга, вѣщее холодомъ, чѣмъ сострадательная мягкость женскаго сердца.

Мы бы еще долго ве кончили говорить о драмѣ г. Чехова, если бы наша статья и безъ того слишкомъ не растянулась; постараемся скорѣй кончить ее. Кромѣ упомянутыхъ нами лицъ, есть еще рядъ другихъ, мастерски набросанныхъ, хотя и эпизодическихъ (нѣкоторыя изъ нихъ попоному шаржированы, напр. Бабкина, Лебедева и др.). Особенно хорошъ изъ этихъ лицъ старикъ Лебедевъ, опустившійся пьяница, слабый и жалкій человѣкъ, но глубоко симпатичный по своей добротѣ, по сознанию своей слабости и торжому отношенію ко всему на свѣтѣ. Хорошъ также Борянь — кутила, весельчакъ и плутъ, по душѣ обществу, «добрый малый», самая молодости котораго носитъ характеръ добродушной виртуозности, какъ бы совершающей изъ любви къ искусству. Недурень также графъ Шабельскій (хотя нѣсколько и шаржированъ) — по виду ослѣбленый скептикъ, но въ основѣ своей простой и добрый человѣкъ, что постоянно проглядываетъ сквозь лохоты его Дюгенова плаща. Въ общемъ же драма г. Чехова написана живо и живо, и чужда шаблона, что рѣзко отличаетъ ее отъ многихъ современныхъ драмъ. При всемъ этомъ крупнымъ достоинствомъ, драма г. Чехова не чужда и недостатковъ, представляеть собою произведеніе, хотя и талантливое, но во многомъ несовершенное, почти юношеское. Дѣйствіе въ ней далеко не выдержано, развертывается отрывками, хотя повсюду правдиво. Самые характеры далеко не законченны, но только на нѣмъ, даже характеръ самого Иванова отличаются нѣкоторою неполнотой. Эти недостатки особенно рѣзко выступаютъ въ драмѣ при выдающихся ея достоинствахъ и даже значительно нѣмать пониманію тѣмъ характеровъ, которые въ ней изображены. Будь она написана столь же хорошо, какъ задумана, она могла бы быть первокласснымъ произведеніемъ, тогда какъ теперь назвать ее такою было бы

слишкомъ смѣло.

Ко всему сказанному нами въ статьѣ считаю нужнымъ прибавить еще, что драма эта будетъ поставлена сегодня въ бенефисъ одного изъ выдающихся артистовъ нашей труппы — г. Тимасаго. Интересно будетъ посмотреть, какъ справится наши артисты со всеми трудностями этой пьесы, вытекающими какъ изъ ея достоинствъ, такъ и изъ несовершенствъ.

А. Уманскій.

(А. А. Зробишъ — Зробишевскій)